

Оранжевое море

Рассказ

В Абхазии заканчивалось лето. В 92-м гортензии распустились рано. Их пышные кружева светло-зелёного цвета незаметно преобразились и стали совсем белыми. Вблизи они похожи на комья снега и чем-то напоминают зимний Ленинград. Осенью соцветия порозовеют, и под их тяжестью трёхметровые ветви кустарника нагнутся к земле. Научного названия этих цветов здесь никто не знает, но их запах не то ванили, не то жасмина запоминается. Роскошные белые шапки из причудливых лепестков на длинных, но крепких стеблях уже проникают в раскрытое окно, заставляя вдыхать их чудесный аромат. Он усиливается от утренней прохлады, спускающейся с гор и вытесняющей бархатный и тёплый морской воздух.

Из окна маленькой комнаты на втором этаже деревянного, давно не штукатуренного дома видна нежно-пепельная двуглавая Сухумская гора. К её вершине, огибая подножье, покрытое кедрами и туями, тянется синяя лента асфальтовой дороги с разноцветными пятнами медленно и беззвучно движущихся автомобилей. Слева, за разнобоим крыш, — узкая полоска лазурного моря, ограниченная линией горизонта, и белое небо. Оно постепенно всё больше и больше наливается нежным утренним солнцем. Его лучик мелькнул из-за горы и скользнул по небранной комнате. Сначала он осветил изогнутую спинку деревянного венского стула, потом прошёлся по небрежно брошенной там одежде, заметил лежащую в постели молодую женщину и задержался у неё на лице. Ресницы чутко вздрогнули.

– Ленушка, ты проснулась? – спросил голубоглазый лейтенант в морской форме, нежно поглаживая её светлые волосы. На безмятежном сонном лице снова еле моргнули ресницы. – Ага-а, просну-у-улась, – улыбаясь, сам себе ответил лейтенант.

Он сидел на краю железной кровати и касался ладонью тех мест на лице жены, где только что побывал луч солнца. Это чтобы ей не было щекотно. Потом наклонился и целовал. Запустил руку под одеяло и нежно погладил её уже хорошо заметный живот.

– Как жалко, что тебе теперь нельзя цитрусовых. К нашему причалу местные подогнали две баржи мандаринов. Ещё не совсем спелые, но вкусные. Мы их вместо обеда едим.

– Игорёк, ты почему надел форму? – потягиваясь, еле слышно прошептала Лена. – Праздник какой?

– Какой там праздник! Вчера ночью в Гаграх грузинский десант объявился. Представляешь, под Андреевским флагом. Как получили суда в прошлом году после раздела, так ничего не меняли. Или специально... Там теперь бывший член политбюро. Может, он до сих пор мнит себя министром иностранных дел. А форма – на всякий случай...

– Какой случай?

– Да никакой. Не волнуйся ты. Я быстро вернусь, и вечером будем кататься на катере. Командир нам обещал, ты же помнишь Алексея? Он заходил на той неделе. – Лейтенант быстро поднялся, крутанул воображаемый руль и стал напевать: «Оранжевое небо, оранжевое море, пара-пара, па-па-ра, пара-пара-папам...»

Игорь ушёл, не позавтракав, а Лена продолжала нежиться в постели, представляя удовольствие от их вечернего путешествия.

Елена и Игорь поженились год назад. Сразу после получения кортика и звёздочек лейтенанта медицинской службы его командировали в Грузию для апробирования в полевых условиях нового лечебного препарата. На это время он был зачислен в штат российской пограничной части, по-прежнему продолжавшей охранять морские границы бывшего СССР. Лена поехала вместе с мужем. Жили они в

отдельной комнатухе двухэтажного частного дома. От дома к морю вела прямая как стрела улица, вся засаженная стройными рядами финиковых и китайских пальм, нежными олеандрами – проспект Леона. Совсем недавно он носил имя Ленина. В двух километрах от дома размещался военный причал с разными российскими катерами, баржами и буксирами. Туда вот уже два месяца каждое утро уходил Игорь.

Нужно было кое-что купить к ужину, и Лена отправилась на сухумский центральный рынок. Сначала ей пришлось долго ждать автобуса, но его не было, и она решила идти пешком до проспекта Мира, а потом, свернув налево, минут тридцать до улицы Карла Маркса. Пройдя два-три квартала, она увидела бегущего навстречу взволнованного человека. Тот сказал, что транспорт не ходит, а на рынке взорвалась бомба, пострадали люди и есть убитые. Пока они говорили, вокруг как будто что-то изменилось. Мимо них быстро гурьбой пробежали дети из соседнего детского сада, а за ними испуганные женщины с сумками и мешками.

Лена остановилась. Так и не дойдя до рынка, она решила повернуть назад, к дому. Обратный путь был долгим и утомительным. Приходилось обходить дворами наскоро установленные противотанковые заграждения, тут и там стали попадаться ополченцы с оружием. Около её дома по парку имени Ленина тоже ходили вооруженные люди.

В этот день отряды грузинской армии вошли в Сухуми, но на Красном мосту были остановлены абхазскими милиционерами и ополченцами. Это совсем рядом с причалами морского порта. В небе появились грузинские вертолеты и через мгновение скрылись, обстреляв военный санаторий и здание Верховного Совета. Уже не работали радио, телевизор, телефон. Не было света. По городу ползли страшные слухи: из сухумской тюрьмы грузины выпустили всех уголовников, те разбежались по городу, грабили, насиловали и убивали.

Восьмидесятилетний грузный старик, хозяин дома, где жила молодая семья, успокаивал вернувшуюся из города

Елену, обещал сделать всё, чтобы отправить её в Сочи. Искать Игоря бесполезно. Идти к торговому порту, где готовились к эвакуации отдыхающих, старик тоже не советовал, могло произойти настоящее столпотворение. Только с её животом там и толкаться. До причала морской базы, где служил муж, недалеко, но все российские катера ещё утром отошли в сторону Гагр.

Эти рассуждения прервали крики во дворе дома и визг застреленной собаки. В дом ворвались люди с автоматами. Они сбили с ног хозяйина, связали двух молодых женщин: племянницу старика и Елену.

Шустрый коротышка в потрёпанном пиджаке и чёрных джинсах, с круглыми бегающими глазами, видимо, самый младший, уже закончил с племянницей хозяйина дома и теперь, запыхавшись, начал срывать одежду с Елены. Та, лёжа на полу, как могла, сопротивлялась. Подсобить молодому извращенцу было некому. Все занимались другим делом. Они выворачивали ящики из комода и шкафов, быстро сбрасывали содержимое на развёрнутую здесь же на полу большую белую простыню. Туда летело ровно сложенное, отутюженное бельё, посуда – всё, что попадалось под руку.

– Батоно! – закричал с досадой в голосе молодой. – А эту сучку куда? – Повернувшись к своему начальнику с погонами старшего лейтенанта гвардии Госсвета Грузии, он специально перешёл с грузинского на русский, чтобы слышала. – Вон, пузо какое. Что делать? Стрелять, да?

Главный хозяйничал на первом этаже. Он обстоятельно осматривал связанные узлы с барахлом, сбрасываемые подельниками сверху, изредка бросая злобный взгляд на хозяйина дома, сидящего на стуле в углу комнаты.

– Плюнь, тащи их всех сюда и беги искать других. Все-му тебя нужно учить, молокосос!

Маленький «гвардеец» по очереди за волосы волоком по лестнице притащил на первый этаж обеих женщин. Бросил их в угол, где лежали свежие саженцы виноградной лозы, ударил несколько раз сапогом ту и другую. Плюнул с досады, что не удалось толком поразвлечься в перерывах

между перестрелками. Потом вдруг встал над женщинами и, громко смеясь, справил малую нужду.

В это время остальные вывели старика во двор и начали спрашивать о вооружении у абхазов. Требовали три миллиона, после – один, через полчаса – опять три. Били, стреляли в воздух. После избияния старик потерял сознание. Тогда его вернули в дом, притащили в ту же комнату на первом этаже, где лежали на полу его племянница и Лена. Грузины нашли уют, раздели старика и начали его пытаться. Издевались до утра, получая патологическое наслаждение. Но желанных денег не добились.

Под утро пришла «смена». Эти были из уголовников. Они снова начали избивать старика и требовать миллион. Увидели вроде бы живых женщин, удивились, повернули их лицом вверх. На садистов смотрели измученные, измазанные кровью и грязью женщины без возраста. Кровавые подтеки и разорванные платья с бьющим в нос резким запахом мочи охладили желания пьяных уже с утра насильников. Хозяина дома снова вытащили во двор, надели наручники, подвесили за них на толстый сук дерева и долго били, уже ничего не спрашивая и не требуя. Потом бросили это занятие, принялись резать кур и колоться морфием.

Пока во дворе продолжали издеваться над стариком, Лена, лежа на животе, смогла развязать руки себе и другой женщине. Потом они вместе пробралась на второй этаж. Через окно своей комнатки Лена спустилась, почти прыгнула на землю, прямо на белые шапки цветущих кустов гортензии. Племянница хозяина последовала за ней. Решили добираться до военного причала.

За сутки город изменился до неузнаваемости. Весь день его обстреливали с грузинских вертолетов. Вокруг догорали развалины домов, вдоль проспекта факелами вздымались ярко полыхающие деревья. У парка стоял «камаз» с брезентовым тентом. Там были трупы. Будто это туши мяса подвезли к магазину. Они заполняли весь кузов вперемешку с вещами, сандалиями, шляпами, носками, платьями. Медленно, с трудом пробираясь между разрушенными до-

мами, женщины заглянули в один из дворов и через мгновение как ошалелые выскочили оттуда.

Они увидели огромную свежеврытую яму. Из неё доносились плач и голоса закопанных по грудь женщин, которые держали на поднятых руках детей. Вокруг расхаживали вооруженные люди и всё время что-то выкрикивали. Трудно было понять: абхазы это или грузины... А возможно, кто-то другой, кто подошёл на помощь абхазам и теперь мстит местным жителям-грузинам. Бойня шла обоюдная.

В самом конце проспекта, вдоль которого к пристани пробирались две измученные женщины, жил грузин. Его маленький винный магазинчик всегда открывался для всех желающих. Сейчас окна в доме были выбиты, рядом валялись разбитые бутылки, а среди разбросанных детских игрушек: паровозиков, резиновых ракет, разноцветных машинок – так же небрежно валялось тело жены хозяина магазина – в огромной луже крови. Двери магазина выходили прямо на набережную Руставели, старый грузин был прибит к дверям гвоздями.

До пристани оставалось шагов сто. Не видно ни одного российского катера. Только небольшое судёнышко юрко крутилось, заводя буксировочные тросы на единственную оставшуюся у причала баржу. Первая, полная беженцев, уже минут пять как отчалила. Её медленно тащил еле заметный с берега буксир. На причале скопилось около сорока стариков и женщин с детьми. Вторая баржа могла стать единственным спасением для них. Плавучий госпиталь «Енисей», направленный из Севастополя для эвакуации беженцев, ещё только обозначился на подходе к сухумской гавани. Однако между ним и берегом уже шныряли грузинские катера на подводных крыльях. По проспекту прямо к пристани ползли два танка, а по обе стороны от них вразвалку шли разухабистые «гвардейцы» грузинской армии...

Люди, спасаясь, прыгали в трюм баржи. На мандарины. Как на мягкий матрац. Лена оглянулась – её спутница исчезла. Может, она уже на барже, а может, передумала и вернулась домой, к старику.

Взобравшись на борт по двум тонким доскам, подобию трапа, Лена пыталась спуститься вниз, в трюм, но сорвалась и упала прямо на собравшихся там людей. Беременную женщину осторожно подняли и перенесли в безопасное место. Оказавшиеся на судне беженцы с тревогой и одновременно с радостью смотрели друг на друга. Сейчас, уже скоро, их вывезут из этого ада...

Здесь, в трюме старой ржавой баржи, мирно пахло мандаринами и ничто не напоминало о войне. Пожалуй, только гильзы от пуль в руках детей, которые хвастали своими трофеями друг перед другом.

Как только буксир оттащил вторую баржу от причала, в воздухе пролетел военный вертолёт, и обстрел города возобновился. Танки свернули в сторону торгового порта, куда подходил «Енисей», со стороны моря к баржам быстро приближался военный катер, а на самом берегу появилась небольшая пушка. Грузины неторопливо и обстоятельно стали её разворачивать для стрельбы по баржам. Первая, отошедшая на приличное расстояние от причала, как раз годилась как мишень. Вторая ещё только медленно отчаливала от пристани. Её буксир включил сирену, и прерывистый громкий звук, будто крик раненого беспомощного существа, заглушил рёв вертолетов, рокот гусениц танков и наглые крики беснующихся «гвардейцев», расположившихся на пирсе российской военной базы.

Не имея ни сил, ни желания что-либо понимать и делать, Лена неподвижно лежала на дне трюма среди чьих-то мешков и безразлично смотрела в небо. Рядом из щели в ржавом металле на солнце неуклюже выползал маленький бесцветный крабик. Всё, что можно было, Лена вытерпела, всё, что смогла, сделала. Её слух будто выключился. Все мысли были только об одном. О ребёнке. И ещё о том, чтобы эта баржа скорее увезла её как можно дальше отсюда.

Снаряд, выпущенный из пушки, сразу потопил первую баржу и вместе с ней унёс на дно сухумской бухты десятки жизней. Только мандарины мерно раскачивались на поверхности моря. Тысячи красных, оранжевых и ещё совсем зе-

лѐных шариков, словно разноцветный серпантин после весѐлой новогодней ночи.

Вторая баржа отошла от берега и ожидала своей участи.

Катер, который подходил к пристани со стороны моря, заняв позицию между берегом и баржей, застопорил ход.

– Ты что, гад, вытворяешь? – кричал в мегафон офицер, размахивая рукой с пистолетом и стреляя в воздух. – Войны с Россией захотел, подонок? Давай, стреляй в меня! Смотри, не промахнись, – офицер всё время показывал на российский триколор, поднятый специально, чтобы хоть как-то отличаться от грузинских судов с Андреевским флагом.

Лена узнала мужа по голосу, но не могла шевельнуться, чтобы подать ему знак. Буксир продолжал медленно тащить за собой баржу, отводя её всё дальше и дальше от ужасов последних суток, от берега сухумской бухты с грузинской пушкой на причале, от катера с Игорем.

Два матроса с российского торпедного катера бросили в море спасательные круги. После того как первая баржа ушла на дно, на поверхности, над мандариновой кашей, то тут, то там появлялись люди. Они умудрялись разглядеть в оранжевом месиве спасательные круги, ухватиться за них и неуклюже гребли руками к берегу. Вой сирены второго буксира и жуткие крики тех, кто укрылся в трюме уходящей в море баржи, заглушал крик офицера. Игорь продолжал размахивать пистолетом и стрелять, а в его голове назойливо звенели привязавшиеся к нему слова детской песенки, которую когда-то давно в праздники пела по союзному радио грузинская девочка: «Оранжевое небо, оранжевое море...»

До берега оставалось не больше пяти кабельтовых. Вдруг раздался оглушительный взрыв.

Это командир катера без всяких расчётов и замеров выпустил свою единственную торпеду прямо по причалу. Вместе с грузинской пушкой разлетелась добрая половина тумб для крепления швартовых. Тем не менее судну удалось подойти к разрушенному пирсу и закрепить носовой

продольный. Пока этого было достаточно. Не дожидаясь окончания швартовки, оба офицера соскочили на берег и бросились вверх по проспекту Леона. Туда, где жили их близкие.

Игорь, запыхавшись, подбежал к знакомому дому и кинулся на второй этаж. В их комнатке никого не было. Всюду сломанная мебель, разбросанное бельё, битая стеклянная посуда и сломанные ветви гортензии за окном. Спускаясь вниз, он с ужасом увидел, как во дворе племянница хозяйки дома пытается снять с дерева тело деда.

– Лена где? – тихо спросил Игорь. Он приподнял старика и снял его с ветки дерева. Пошло полминуты, но он так и не осмеливался взглянуть на женщину, боясь по её взгляду узнать правду. Только накрыв тело старика одеялом, она подняла голову, бросила быстрый взгляд на Игоря и, отрешённо глядя куда-то в сторону, произнесла: «На барже с мандаринами».

Всё стало ясно. Если в первой барже – то погибла, если во второй – то плывёт сейчас в сторону Сочи.

Утром Гагры были захвачены грузинами. Свою цель их десант достиг: Абхазию отрезали от России. Теперь все российские суда, оказавшиеся в районе Гагр, постепенно уходили в открытое море и собирались защищать плавучий госпиталь с беженцами из Сухуми. Ждали распоряжений. Алексей, командир торпедного катера, конечно, понимал, как мало толку от его старого судна. На борту в два раза меньше матросов, чем полагается, всего два офицера: он да прикомандированный медик – и лишь одна авиационная торпеда. Может быть, поэтому, нарушая все приказы, он рвался в Сухуми спасать свою семью и, как бы убеждая себя, много раз повторял вслух одно и то же: «Час туда – час обратно. Радио уже давно не работает. Никто и не поймёт ничего».

На разбитом причале, куда вернулся Игорь, уже собрались пять человек с первой баржи. Их выловили матросы. Что-либо спрашивать у спасённых лейтенант не стал. Боялся узнать самое худшее. Вдруг кто-то видел его Лену. Теперь оставалось надеяться только на чудо. Нужно умуд-

риться провести безоружный катер через акваторию торгового порта, кишашую грузинскими военными судами, и выйти в море. А уж там, на пути в Сочи, они догонят вторую баржу...

Прошло больше получаса, однако командир не возвращался. Игорь нервно ходил взад-вперед по палубе, то и дело оглядываясь в сторону проспекта Леона. Через минуту одинокий силуэт Алексея появился вдали, посередине улицы, он сделал два-три шага, застыл, неуклюже взмахнул руками и рухнул на асфальт. Звуков стрельбы не было слышно, но через мгновение проспект заполнили люди с оружием в форме грузинских «гвардейцев».

– Отдать швартовы! – неожиданно для себя, срывающимся голосом прокричал Игорь. Он напрочь позабыл о множестве вещей, которые полагалось сделать и проверить перед такой командой. Да и не помнил, наверное, никогда.

Катер с белыми цифрами на борту «067», повинувшись единственному оставшемуся офицеру, быстро отвалил в сторону моря.